

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 14(1), 2025]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Информация для цитирования:

Шалков Д. Ю. Вербальная репрезентация культурно-исторической памяти в граффити-дискурсе / Д. Ю. Шалков, С. В. Былкова // Научный диалог. — 2025. — Т. 14. — № 1. — С. 157—175. — DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-1-157-175.

Shalkov, D. Yu., Bylkova, S. V. (2025). Verbal Representation of Cultural-Historical Memory in Graffiti Discourse. *Nauchnyi dialog*, 14 (1): 157-175. DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-1-157-175. (In Russ.).

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Вербальная репрезентация культурно-исторической памяти в граффити-дискурсе

Шалков Денис Юрьевич

orcid.org/0000-0002-5353-0086
кандидат филологических наук,
доцент кафедры документоведения
и языковой коммуникации,
корреспондирующий автор
shalkovdenis@yandex.ru

Былкова Светлана Викторовна

orcid.org/0000-0002-8853-0684
кандидат филологических наук, доцент,
декан социально-гуманитарного
факультета, и. о. заведующего
кафедрой документоведения и
языковой коммуникации
svetbyl7592@rambler.ru

Донской государственный
технический университет
(Ростов-на-Дону, Россия)

Verbal Representation of Cultural-Historical Memory in Graffiti Discourse

Denis Yu. Shalkov

orcid.org/0000-0002-5353-0086
PhD in Philology, Associate Professor
at the Department of Documentation
and Language Communication,
corresponding author
shalkovdenis@yandex.ru

Svetlana V. Bylkova

orcid.org/0000-0002-8853-0684
PhD in Philology, Associate Professor,
Dean of the Faculty of Social Sciences
and Humanities, Acting Head
of the Department of Documentation
and Language Communication
svetbyl7592@rambler.ru

Don State Technical University
(Rostov-on-Don, Russia)

© Шалков Д. Ю., Былкова С. В., 2025

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

В статье рассматриваются некоторые способы вербальной репрезентации культурно-исторической памяти в граффити-дискурсе. Стрит-арт-объекты представлены как социокультурная дискурсивная формация, транслирующая определённые национальные концепты, духовно-нравственные ориентиры и морально-этические принципы. Цель настоящего исследования — рассмотреть разновидности прецедентных феноменов, используемых граффити-райтерами, и на основе полученных результатов предложить классификацию соответствующих вербальных стрит-арт-объектов. Материалом послужили более 200 граффити, содержащих различные интертекстуальные включения. Минимальной структурно-семантической единицей прецедентного феномена является интертекстема — собственно лингвистическое средство реализации интертекстуальных связей в конкретных текстовых условиях. Авторы приходят к выводу, что интертекстемы, которые базируются на историко-культурном материале различного качества, служат раскрытию коммуникативно-прагматических интенций и мировоззренческих целеустановок граффити-райтеров. Наполняя урбанистическое пространство особыми смыслами, графические стрит-арт-объекты не только поднимают актуальные социально-экономические проблемы, но и содержат умозаключения философского характера, а также включают контент, способствующий эффективной трансляции и сохранению национального культурно-исторического кода.

Ключевые слова:

стрит-арт-объекты; лингвокультура; дискурсивная формация; интертекстема; прецедентный феномен.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This article explores various methods of verbal representation of cultural-historical memory within graffiti discourse. Street art objects are presented as a sociocultural discursive formation that conveys specific national concepts, spiritual and moral guidelines, and ethical principles. The aim of this study is to examine the types of precedent phenomena utilized by graffiti writers and to propose a classification of the corresponding verbal street art objects based on the findings. The material analyzed comprises over 200 graffiti pieces featuring diverse intertextual inclusions. The minimal structural-semantic unit of a precedent phenomenon is identified as the intertexteme — linguistic means that realize intertextual connections within specific textual contexts. The authors conclude that intertextemes based on historical and cultural material of varying quality serve to reveal the communicative-pragmatic intentions and worldview objectives of graffiti writers. By infusing urban spaces with unique meanings, graphic street art objects not only highlight pressing socioeconomic issues but also contain philosophical reflections and include content that facilitates the effective transmission and preservation of the national cultural-historical code.

Key words:

street art objects; linguoculture; discursive formation; intertexteme; precedent phenomenon.

УДК 811.161.1'42:75

DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-1-157-175

Научная специальность ВАК
5.9.8. Теоретическая, прикладная и
сравнительно-сопоставительная лингвистика

Вербальная репрезентация культурно-исторической памяти в граффити-дискурсе

© Шалков Д. Ю., Былкова С. В., 2025

1. Введение = Introduction

Культурно-историческая память представляет собой этнофилологический феномен, который реализуется в осознании ценности отечественной культуры и стремлении к её сохранению и передаче от одного поколения к другому. Речь идёт прежде всего об определённых культурных традициях, нормах, концепциях, ценностях, обычаях, обрядах, национальных ремесленных навыках, стилях и т. п. С точки зрения современной лингвокультурологии, культурная память, будучи фундаментальной основой самоидентификации личности, тесно связана с национальным культурно-историческим кодом и прецедентным тезаурусом взаимосвязанных микросоциумов.

В контексте социолингвистики и коммуникативистики прецедентные феномены трактуются как актуальные семиотические знаки, транслирующие совокупность духовно-нравственных и морально-этических принципов и легко дешифруемые представителями того или иного национального лингвокультурного сообщества. При этом культурная память предстаёт не только как некое информационное хранилище, но и как «сложная, динамичная, непрерывно трансформирующаяся система, связанная с процессом смены знаний, в котором социальные страты накапливают, конструируют и реконструируют знание о собственной (культурной) идентичности» [Ефремов, 2021, с. 68].

Стрит-арт как социокультурная дискурсивная формация неоднократно становился объектом научных изысканий. В частности, исследовались психологические мотивы создания граффити с точки зрения деструктивного поведения и вандальной активности молодёжи [Порозов и др., 2020]; эстетическая роль и компенсаторные функции субкультуры граффити [Новик, 2020]; способность стрит-арта актуализировать социальные, философские, политические, экологические и другие проблемы [Швиндт, 2019]; кросс-культурные [Культурный код ..., 2021] и правовые аспекты граффити-коммуникации [Посиделова и др., 2023]; репрезентация граффитологии

ческой тематики в городских виртуальных сообществах [Руденкин и др., 2023]; специфика ментальности постсовременных графических стрит-арт-объектов [Белкин, 2019]; историография и методика работы с древними сакральными граффити [Яйленко, 2018]; а также иные вопросы.

Актуальность данного исследования обусловлена тем, что граффити-надписи и изображения, обретая статус неотъемлемой части городского пространства, становятся важным компонентом социокультурного дискурсивного ландшафта. Специфика современной граффити-коммуникации заключается в рецепции многочисленного и качественно разнообразного круга прецедентных феноменов, поскольку интертекстуальность в её широком понимании позволяет активизировать квазидialogические стратегии, определяющие эффективность коммуникативного акта [Былкова и др., 2017].

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Любая коммуникативная интенция вызывает определённую речевую, психологическую или поведенческую реакцию — фатическую, аксиологическую, респонсивную и ряд других. Понимание закономерно предшествует реакции. Важным критерием эффективного общения выступает ориентация на взаимное понимание. Лингвокультурологическая компетенция коммуникантов и общность понимания ими прецедентных текстов становятся необходимыми и достаточными условиями адекватного воздействия автора-граффитиста на реципиентов современного стрит-арта [Былкова и др., 2023].

Большинство авторитетных исследователей (Ю. Н. Караулов [Караулов, 2010], Н. С. Бирюкова [Бирюкова, 2005], Е. А. Нахимова [Нахимова, 2018], А. Н. Безруков [Безруков, 2015], Р. З. Назарова, М. В. Золотарев [Назарова и др., 2015], И. Р. Хузин, Г. Т. Гильфанова, Д. А. Салимзанова, Э. М. Вильданова [Прецедентные тексты ..., 2020] и др.) выделяют следующие разновидности прецедентных феноменов: прецедентная ситуация (историческая эпоха; историческое событие; любой инфоповод или поступок, затрагивающий интересы широкой общественности и насыщенный узнаваемыми коннотациями); прецедентный текст (произведения художественной литературы, религиозные и политические тексты, публицистика, устное народное творчество, мифы народов мира, тексты популярных песен, анекдоты, рекламные слоганы); прецедентное имя (имена писателей, художников, музыкантов, спортсменов, политических деятелей; литературных и фольклорных героев; а также индивидуальные имена собственные, которые связаны с широко известным текстом и, указывая на некую «эталонную» совокупность определённых качеств, употребляются в нарицательном значении); **прецедентное высказывание** (точные или трансформированные цитаты из текстов самого

разнообразного характера — классики, беллетристики, низовой (массовой) литературы; идиоматические выражения, крылатые слова, пословицы, поговорки, афоризмы и т. п.).

Указанные разновидности прецедентных феноменов находят то или иное воплощение в современном коммуникативном пространстве, важную составляющую которого формируют графические стрит-арт-объекты, отражающие различные способы вербальной репрезентации культурно-исторической памяти.

Контент-анализ граффити-надписей реализуется методом сплошной выборки с использованием инструментария прагматической лингвистики, в частности, таких приёмов, как наблюдение, систематизация, описание, а также элементов статистического, структурно-функционального и дистрибутивного анализа. Осуществлён герменевтический подход к интерпретации языковых единиц и композиционно-стилистических структур.

Полевые исследования, предпринятые в городах Ростовской области (преимущественно в Ростове-на-Дону и Таганроге), позволили сформировать достаточно репрезентативную картотеку, которая включает более 200 фотографий графических стрит-арт-объектов, содержащих интертекстуальные включения различного характера.

Цель настоящего исследования — рассмотреть разновидности прецедентных феноменов, используемых граффити-райтерами, и на основе полученных результатов предложить классификацию соответствующих вербальных граффити. Попытки обозначить некоторые разновидности стрит-арт-объектов предприняты во многих научных исследованиях, однако вопрос об их единой классификации до сих пор остаётся открытым. Зачастую критерием классификации становится тематика граффити. По тематическому принципу чаще всего выделяют социально-экономические, экологические, политические, символические, пацифистские, религиозные, музыкальные, эротические, наркотические, метатекстуальные (граффити о месте стрит-арт-объектов, сведения об их авторах, надписи-комментарии, реализующие квазидialogические речевые стратегии) и ряд других.

Коммуникативно-прагматические интенции граффити-надписей могут воплощаться в разнонаправленных формах, среди которых наиболее частотны: признания в любви; выражение личных эмоций и переживаний; трансляция онтологических ценностей; ностальгические настроения; вопросы, просьбы, призывы и обращения; пожелания, поздравления, благодарности; угрозы; информационно-регламентирующие указания; вербально-образные композиции мемориально-патриотического характера и многие другие. Психогерменевтика граффити обусловлена реализацией двух «локусов контроля» (термин Дж. Роттера): экстернального (отмеча-

ется у индивидов, перекладывающих ответственность за происходящее на окружающих и внешние обстоятельства) и интернального (проявляется в способности личности самостоятельно нести ответственность за принятые жизненные решения) [Kolmakova et al., 2021].

Другим критерием классификации может выступать потенциальный автор надписи или изображения: на этом основании различают «детские, школьные, студенческие граффити, граффити молодёжных субкультур» и т. д. [Гуто, 2014]. Среди основных техник нанесения граффити называют теггинг, бомбинг, скретчинг, вайлдстайл, трафареты, наклейки, плакаты, муралы и прочее [Культурный код ..., 2021, с. 74].

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Классификация граффити-надписей по месту их размещения

Под графическими стрит-арт-объектами в широком смысле понимаются надписи, которые наносят всевозможными способами на самые разнообразные поверхности. С учетом сферы бытования граффити, которые предстают как один из инвариантных сегментов лингвокультурологического кода современной урбанистической коммуникации, классификация базовых локусов их размещения может быть представлена следующим образом:

1) «классические» локусы:

- надписи на стенах жилых домов, гаражей, государственных учреждений и производственных помещений;
- на дверях, калитках, заборах и ограждениях;
- на витринах магазинов, фасадах торговых центров и учреждений сферы услуг;
- на торговых палатках, киосках, павильонах;
- на других объектах инфраструктуры, среди которых — лавки и скамейки в общественных местах, остановочные комплексы, трансформаторные подстанции, столбы электропередач;
- в подъездах и лифтах;
- в подземных переходах;
- на мостовых сооружениях;
- на асфальтовом покрытии;

2) «экстремальные» («маргинальные») зоны:

- подвалы;
- потолки;
- окна;
- стены заброшенных, разрушающихся или недостроенных помещений;

3) денежные знаки (банкноты);

4) поверхности транспортных средств (личных автомобилей, железнодорожных составов, общественного транспорта);

5) предметы мебели, находящиеся в публичном пространстве (столы, стулья, парты, шкафчики), камеры хранения.

Граффити-надпись является одним из нетрадиционных способов самовыражения её автора — вербализацией внутренних психологических импульсов, желаний или конфликтов. Исходя из наблюдений, можно утверждать, что арт-объекты, в которых функционируют прецедентные тексты, как правило, не представлены в маргинальных зонах, что скорее всего обусловлено уровнем интеллектуального развития, социальным статусом и эстетическим вкусом не только самих райтеров, но и их адресатов. Для того чтобы определённый месседж предстал взору как можно большего числа реципиентов, граффитисты, как правило, избирают «классические» городские локусы — места, на которых созданные ими надписи будут наиболее заметны для окружающих: стены зданий или объекты городской инфраструктуры.

3.2. Интертекстема как минимальная структурно-семантическая единица прецедентного феномена в граффити-дискурсе

Минимальной структурно-семантической единицей прецедентного феномена является интертекстема — собственно лингвистическое средство реализации интертекстуальных связей в конкретных текстовых условиях; «чужое» слово, которое, отражая диалогическое взаимодействие текстов, находит воплощение в самых разнообразных формах, среди которых — цитация, языковая игра с культурными кодами, аллюзия, реминисценция, пастиш, ризома, стилизация, пародия (в виде травестирования или бурлеска), парафраз, проекция, сюжетно-образная деривация и ряд других. Иными словами, прецедентные феномены служат источником интертекстем. Графические стрит-арт-объекты, включающие различные по характеру, степени узнаваемости, тематике и способам репрезентации интертекстемы, целенаправленно стимулируют логико-когнитивные «способности коммуникантов оперировать культурно значимой информацией, воплощённой в лингвоментальной базе человека и социума» [Нахимова, 2018, с. 42], и в результате аккумулируют культурно-историческую память с помощью тех или иных вербальных средств.

3.3. Цитаты из произведений русской и зарубежной литературы

Семантику культурно-исторической памяти транслируют креолизованные граффити-надписи сериального характера, включающие изображения русских поэтов и писателей, а также фрагменты произведений, легко узнаваемые среднестатистическим реципиентом: «О, сколько нам открытий чудных / Готовит просвещенья дух, / И опыт, сын ошибок трудных, /

И гений, парадоксов друг... / А. Пушкин»; «Послушайте! / Ведь, / если звёзды / зажигают — / значит — это / кому-нибудь нужно?»; «Твори, выдумывай, пробуй! / В. В. Маяковский»; «Светить всегда, / Светить везде, / До дней последних донца, / Светить — / и никаких гвоздей! / Вот лозунг мой — / и солнца! В. Маяковский»; «Пиджак / сменить снаружи — / мало, товарищи! / Выворачивайтесь / нутром!»; «Мы в жизни / любим только раз, / а после ищем / лишь похожих / С. Есенин»; «Вечерние поля в росе, / Над ними — вороны... / Благословляю вас на все / четыре стороны! / М. Цветаева»; «Никто не / хочет любить / в нас / обыкновенного / человека. / А. П. Чехов»; «Не уставайте / делать / добро / А. Чехов»; «Жить / не по лжи! / А. И. Солженицын».

Граффити «Сказка / ложь, да / в ней / намёк!» отсылает к «Сказке о золотом петушке» (1834) А. С. Пушкина и заставляет вспомнить окончание фразы: «Добрый молодцам урок». Семантика и прагматика некоторых арт-объектов являются поликодовыми и могут быть дешифрованы только в контексте сочетания вербального и визуального семиотических рядов: так, изображение кошки, которая держит в лапках золотую рыбку, и надпись «Сама по себе» воспринимаются как креолизованный эквивалент заглавия сказки Р. Кипплинга «Кошка, которая гуляла сама по себе» (1902) или же названий советских мультфильмов, снятых по её мотивам.

Изречение «Пусть / всегда / будет / счастье» представляет собой видоизменённую фразу из известной советской песни на стихи Л. И. Ошанина «Пусть всегда будет солнце» (1962). Экзистенциальные размышления о предназначении человека и смысле его существования отражает граффити-надпись, воспроизводящая фразу Родиона Раскольникова из романа «Преступление и наказание» (1866): «Тварь ли я дрожащая / или право имею / Ф. М. Достоевский». К «Тихому Дону» (1925—1940) М. А. Шолохова отсылает изображение Григория Мелехова и двух других казаков, которые едут верхом на лошадях, и надпись-цитата из 4-й книги произведения: «Побеждает только тот, / кто твёрдо знает, / за что он сражается, и верит в своё дело». Граффити «Мы были на волосок от жизни», сделанная на лавке в общественном месте, дословно повторяет крылатое выражение из романа Ч. Поланика «Бойцовский клуб» (1996), построенное на основе десемантизации фразеологизма «на волосок от смерти».

Освещая актуальные проблемы социально-экономического характера, граффити-райтеры нередко обращаются к современной поэзии как к источнику интертекстуальных включений: «Я вижу красоту во всём, / Как в транспорт ты не влезешь днём, / Как за услуги ЖКХ три шкуры содраны с тебя. / Я вижу красоту во всём...» Можно предположить, что рефрен приведённой граффити-надписи, сделанной в одном из подземных переходов

города Ростова-на-Дону, заимствован из стихотворения Н. Гамаюнова, размещённого на портале «Стихи.ру» в 2022 году: *«Я вижу красоту во всём, / В грозе, в деревьях, в ветре. / В беседе с рыженьким котом, / И с птицами на ветках. / Я вижу красоту во всём, / В заре прохладным утром, / И в поле и в жужжанье пчёл, / В тени под старым дубом...»*. Выражение «Я вижу красоту во всём» довольно часто используется в медитативной лирике и философской прозе современных авторов (С. Боромянской, А. Царьковой и других).

3.4. Имена и фамилии известных поэтов, писателей, медийных личностей

Каламбурный риторический вопрос «Улица МАЯКОВСКОГО, / а стихов нет! / Почему?» (дописано: «Алло? / Кто говорит»), размещённый на закрашенной бетонной стене, репрезентирует концепцию всепоглощающего экзистенциального вакуума, втягивающего человека в прозу жизни, лишённой яркого наполнения. Надпись на двери «Куда собрался? Ты что, / Бродского не читал?» ориентирована на «хорошего», «умного» читателя, который способен опознать цитату из стихотворения И. Бродского «Не выходи из комнаты, не совершай ошибку» (1970). Ощущение девальвации духовно-нравственных ориентиров, скептическое отношение к природе человека и сугубо пессимистические настроения отражают граффити, прямо отсылающие к полемическим концепциям социально-философской драмы М. Горького «На дне» (1901—1902): «Дно ближе, / чем думал / Горький».

В качестве прецедентных текстов, которые рецептируются граффити-райтерами, могут выступать имена медийных личностей (теле- и радиоведущих, блогеров, звёзд шоу-бизнеса). Так, масштабная надпись на стене ресторана «Жизнь что-то мне приготовила / явно не как Джейми Оливер — но если я его переварю — то всем расскажу / как / было / здорово» упоминает имя известного английского повара, владельца сети ресторанов по всему миру, автора книг по кулинарии, ведущего популярных ток-шоу, популяризатора домашней кухни и здорового питания. Граффити-надпись обретает квазифилософское смысловое наполнение: опыт в преодолении жизненных трудностей закаляет человека и делает его сильнее, что может стать наглядным примером для окружающих [Kolmakova et al., 2021].

3.5. Крылатые выражения и иные единицы фразеосистемы

Продуктивным источником граффити-коммуникации являются единицы фразеосистемы (крылатые фразы, афоризмы, пословицы, поговорки). Выражение «Меньше знаешь — больше» (надпись выполнена красным цветом, синей краской дописано «тупой»), имитируя форму диалога, содержит элементы языковой игры и тем самым иронически полемизирует с известным изречением «Меньше знаешь — крепче спишь»: на пути

к балансу в эмоциональном и интеллектуальном состоянии не следует игнорировать новые знания и жизненный опыт. Эффект недоговорённости создаётся за счёт стилистической фигуры умолчания — апозиопезиса, представляющего собой внезапный обрыв высказывания из-за резкого изменения коммуникативно-прагматической интенции адресанта.

Граффити «ети цветы / жизни» (перед надписью, нанесённой чёрным цветом, дописана красная буква «й», а перевёрнутое «д» размещено в конце фразы, сопровождающейся изображением ребёнка) модифицируют известный афоризм о важности детей в жизни каждого человека: позитивная семантика изречения смещается в иронический эмоционально-смысловой регистр. Выражение «Дети — цветы жизни», как отмечается в энциклопедических справочниках крылатых слов и выражений, сложилось на основе фразы «Дети — живые цветы земли» из рассказа М. Горького «Бывшие люди» (1897). Однако ранее подобную мысль высказывал австрийский журналист и писатель-сатирик и М. Г. Сафир: «Цветы — дети царства растений, дети — цветы царства людей». Кроме того, происхождение фразы нередко связывают с именами немецкого педагога Ф. Фрёбеля, который известен как теоретик дошкольного воспитания и создатель первого детского сада, и французского писателя А. де Сент-Экзюпери. Возглавляющая вербальный ряд граффити лексема «йети» (криптид; мифическое обезьяно- и человекоподобное существо; снежный человек, якобы обитающий в высокогорных или лесных регионах) нивелирует традиционное представление о детях как об источнике жизненной силы, радости и вдохновения.

3.6. Фразы из популярных песен

Создателя граффити «Ясные дни / Алаясны дни» вдохновил народный артист России Олег Газманов, написавший текст и музыку исполняемой им популярной песни «Мои ясные дни» (2003): «А я ясные дни оставляю себе! А я хмурые дни возвращаю судьбе!» Надпись «Туси, / пока / молодой» представляет собой трансформированную цитату из песни Родиона и Олега Газмановых «Танцуй, пока молодой» (1993). Не меняя семантический вектор приведённой строчки, граффитист осовременивает её за счёт использования сленгизма «туси».

Феноменом массовой культуры стала так называемая «Стена Цоя» в Москве на Старом Арбате, содержащая надписи «Цой жив», «Всегда живой», «Поём вместе с тобой», «Кино» (название рок-группы, основателем и фронтменом которой был Виктор Цой), а также признания в любви к музыканту и известные цитаты из его песен («Перемен / требуют наши сердца»; «Каждой звезде / свой неба кусок»; «Смерть стоит того, / чтобы жить, / А любовь стоит того, чтобы ждать»; «Ты должен быть сильным, / иначе зачем тебе быть» и другие). Подобные граффити-надписи являются

неотъемлемой частью граффитологической среды многих российских городов, в том числе населённых пунктов Ростовской области.

3.7. Реплики мультипликационных персонажей

Надпись на боковой стене многоэтажного дома «Ребята, / давайте / жить / дружно!», сопровождающаяся изображением кота Леопольда и постоянно донимающих его двух мышей-хулиганов, представляет собой жизненное кредо кота-миротворца. Точная цитата из цикла советских мультипликационных фильмов «Приключения кота Леопольда» (1975—1987) и его имя, как отмечают исследователи, уже давно стали прецедентными в русской лингвокультуре. Одной из часто используемых граффити-райтерами цитат является крылатая фраза волка из советского рисованного мультфильма режиссёра Э. Назарова «Жил-был пёс» (1982): «Ты заходи, если что...» Граффити-надписи с идентичным или трансформированным текстом часто размещают на калитках, оградах частных домов, гаражных воротах, дверях подъездов и магазинов. Примечательно, что массовое сознание отражает контаминацию двух коммуникативно-прагматических регистров — наложение реплик диалога, состоявшегося между волком и псом в финале мультфильма: фразу «Ну ты это... » произносит пёс; волк отвечает «Спасибо» и, уходя в лес, сносит по пути часть хозяйского плетня, добавляя при этом «Ты заходи, если что».

В качестве интертекстем выступают и цитаты из других известных мультипликационных фильмов: «Хорошими / делами / прославиться нельзя» (старуха Шапокляк); «Извини, / старик, / ко мне тут / Челентано / зашёл» (попугай Кеша). Противоречивость образа Шапокляк неоднократно становилась предметом исследований: «Демонстративная хулиганистость старухи Шапокляк наглядно подчеркивает ... черты образа “Трикстера”, который то и дело провоцирует как саму Шапокляк, так и тех, кто ее окружает, на постоянные изменения характера повседневности» [Некита и др., 2024, с. 107]. Попугай Кеша — амбивалентный персонаж: с одной стороны, эгоцентричный, своенравный, капризный, требующий постоянного внимания, а с другой — добрый и отзывчивый. Его отличают творческие задатки, готовность прийти на помощь, а также авантюризм, тяга к приключениям и гипертрофированное стремление к независимости, которые являются не чем иным, как «предлогом для освобождения от контролирующего и всевидящего социума» [Печорина, 2009]. Симптоматично, что обе вышеупомянутые надписи и изображения соответствующих мультипликационных персонажей размещены на дверях подъездов как особой буферной зоны, которую постоянно пересекают различные типы городских обывателей. Воссоединяя вербальную и визуально-образную информацию, мультфильмы как один из видов креолизованных текстов «обеспечивают комплекс-

ное воздействие на адресата» и «наполняются культурно маркированными смыслами, становятся символами типизированных ситуаций» [Черняк, 2020, с. 69].

3.8. Фольклорно-мифологические мотивы и образы

Эксплуатируя фольклорно-мифологический мотивно-образный комплекс, новейшие стрит-арт-объекты сопрягают техногенное урбанистическое пространство с исконным «квазиславянским» мировидением: графический арт-объект «Азь / боги / вЪди», имитирующий рукописные начертания букв кириллической азбуки, обрамлён традиционным древнерусским орнаментом и включает изображение берёзы (ритуального дерева в культуре многих народов), а также зоологических персонажей волшебных сказок — щуки, фигурирующей в фольклорных сюжетах про Емелю-дурака, и Жар-птицы. Известно, что акрофонические названия первых трёх букв азбуки составляли фразу «Азь буки вЪди» («Я знаю буквы»), однако, заменяя лексему «буки» на «боги», приведённые граффити транслируют принципиально иной коммуникативно-прагматический месседж.

В качестве ещё одного примера можно рассмотреть граффити из серии «фольклорных» стрит-арт-объектов, размещённых в центре Ростова-на-Дону. Надпись «Всему лесу краса», которая воспроизводит начертания старославянской кириллицы, дополнена изображением рыжей прищурившейся лисы с гроздьями рябины. Сопрягая визуально-образные и вербальные компоненты в едином когнитивно-интерпретационном поле, граффити-райтер креативно моделирует поговорку «Лиса — всему лесу краса».

3.9. Изречения государственных и культурных деятелей; исторические события; достопримечательности; иная культурологическая информация

Неотъемлемой частью городского коммуникативного пространства становятся многочисленные граффити, которые посвящены победе русского народа в Великой Отечественной войне и другим героическим страницам родной истории: «70 лет воинской славы!»; «70 лет Победе»; «Победа, / купленная / кровью»; «9 Мая»; «ВОВ / 1941—1945»; «Мы помним»; «За Родину»; «... Никто не забыт, / Ничто не забыто... » (с изображением ордена Отечественной войны, представляющего собой выпуклую пятиконечную рубиново-красную звезду, которая включает изображение серпа и молота и располагается на фоне лучей, расходящихся в виде другой звезды).

Серия стрит-арт-объектов в Таганроге посвящена высказываниям известных государственных деятелей. В качестве примера приведём одно из них: «Счастье не так слепо, как его себе представляют. / Часто оно бывает следствием длинного ряда мер, / верных и точных, не замеченных толпою и / предшествующих событию. А в особенности счастье отдельных лич-

ностей бывает следствием / их качеств характера и личного поведения / Екатерина II» (с подписью автора в виде хештега «#антонтимченко»). Подобные работы включают, как правило, изречение, а также имя и портретное изображение его автора.

На фасаде одной из трансформаторных подстанций в сюрреалистической манере воспроизведён портрет знаменитого русского живописца К. А. Савицкого, принадлежащий кисти И. Н. Крамского. Арт-объект был создан молодым стрит-художником Антоном Тимченко в рамках проекта «Окно в Таганрог: взгляни на город иначе!» Константин Аполлонович Савицкий — академик, действительный член Императорской академии художеств, член Товарищества передвижных выставок, педагог — родился в Таганроге в 1844 году и до переезда в Лифляндскую губернию учился в Таганрогской классической мужской гимназии. Полотна К. А. Савицкого представлены в экспозиции Таганрогского художественного музея.

Граффити включают цитату художника, которая демонстрирует его духовную связь с Таганрогом: «... Блеснёт ли в жизни / моей луч счастья и радости, / нахмурится ли чело от скорби / и горя, — всегда Таганрог, / Азовское море согревают / и поддерживают меня, / картины родины вдохновляют / моё художественное / творчество... / К. А. Савицкий 1902 г.». Сам граффитист А. Тимченко, который определяет свою технику как «рисунки на стене в пиксельном стиле», «пиксель-арт», так комментирует замысел стрит-арт-объекта: «Мне захотелось стилизовать портрет Константина Савицкого, добавив мой пиксельный стиль. На основе его цитаты изобразить виды Таганрога». Действительно, фрагментами этого изображения выступают узнаваемые таганрогские достопримечательности: знаменитые солнечные часы, памятник Петру I работы скульптора М. М. Антокольского, вид на Таганрогский залив Азовского моря и кованая ограда Пушкинской набережной.

Семантически и композиционно ёмкой деталью арт-объекта является перекрывающее причёску Савицкого чёрно-белое изображение трёх медвежат и медведицы возле поваленного дерева. В граффити-зарисовке легко узнаётся фрагмент одного из наиболее популярных полотен И. И. Шишкина «Утро в сосновом лесу» (1889). Дело в том, что руке И. И. Шишкина принадлежит только сам лесной пейзаж, однако элементы анималистической сюжетности привнёс в знаменитое полотно К. А. Савицкий, подпись которого, как гласит одна из устоявшихся версий, была стёрта меценатом П. М. Третьяковым, купившим картину для своей коллекции.

Особый интерес представляют собой масштабные граффити в районе таганрогской Центральной городской детской библиотеки им. М. Горького: на окрашенной белой краской кирпичной стене хозяйской постройки воспроизведён план Троицкой крепости и её гавани петровских времён, об-

рамлённый по периметру информацией энциклопедического характера, которая функционирует по принципу структурно-смысловых блоков — топосов («Построена по / личному / приказу Петра I»; «Протяжённость — 3 км / Высота — 8 метров / Глубина рва — 3 метра»; «Троицкая крепость / (Троицк-на-Таганьем Роге) / фортификационное / сооружение / Русского государства, / сооружённое на берегу / Азовского моря на / окончании мыса / Таганьин Рог»; «Дата основания / 1696 год»), которые знакомят жителей и гостей Таганрога с его историей.

Ещё один стрит-арт-объект, размещённый в центре города, воспроизводит схематичное изображение памятника Петру I и несколько пространственных цитат из русского литературно-педагогического сочинения начала XVIII века «Юности честное зерцало, или Показание к житейскому обхождению, собранное от разных авторов», которое было подготовлено и напечатано по указанию императора в 1717 году: «... должны дети отца и мать в великой чести содержать... и оное они должны учинить вежливо и учтиво... у родителей речей перебивать не надлежит... Нужду свою благообразно в приятных и учтивых словах предлагать... Что изволите, государь батюшко; или государыня матушка... слушать, и других речи не перебивать».

В Ростове-на-Дону несколько остановочных комплексов общественного транспорта оформлены изображениями известных деятелей науки и искусства, а также граффити-надписями, воспроизводящими их высказывания, которые стали прецедентными для отечественной лингвокультуры: «Качалов: / карету мне, карету» (в 1906—1914 годах актёр исполнял роль Чацкого в спектакле «Горе от ума», поставленном режиссёрами В. И. Немировичем-Данченко и К. С. Станиславским в Московском художественном театре); «Горький: / Рождённый ползать — летать не может :)» (в конце цитаты из «Песни о Соколе» (1895) изображён смайл, обозначающий улыбку); «Станиславский: / Не верю!» и ряд других надписей.

4. Заключение = Conclusions

Таким образом, граффитологическая среда как социокультурная дискурсивная формация, ориентируясь на общий с адресатом культурный код, как правило, эксплуатирует прецедентные феномены, которые формируют устойчивый тезаурус массового сознания [Культурный код ..., 2021]. Среди них — мифологические онимы и нарративы, фольклорные тексты, единицы фразеосистемы, произведения русской и зарубежной классики, популярные песни, сериалы, художественные и мультипликационные фильмы, интернет-мемы, высказывания медийных персон и инфлюенсеров (звёзд шоу-бизнеса и спорта, теле- и радиоведущих, актёров, музыкантов, спор-

тивных комментаторов, блогеров), значимые события отечественной и мировой истории, узнаваемые ситуации современной общественно-политической, экономической и культурной жизни [Zadorojnyi, 2011].

Учитывая характер прецедентных феноменов, которые функционируют в граффити-дискурсе, целесообразно классифицировать графические стрит-арт-объекты на основании соответствующих интертекстов как универсальных репрезентантов культурно-исторической памяти:

- 1) граффити, включающие цитаты из произведений русской и зарубежной литературы, а также из религиозных текстов, фольклорных и мифологических источников;
- 2) граффити, содержащие реплики персонажей из сериалов, художественных или мультипликационных фильмов;
- 3) граффити, воспроизводящие фразы из популярных песен;
- 4) граффити, эксплуатирующие крылатые фразы и иные единицы фразеосистемы (идиоматические выражения, пословицы, поговорки, афоризмы);
- 5) граффити, цитирующие изречения государственных и культурных деятелей; популярных теле- и радиоведущих, представителей шоу-бизнеса, спортсменов, блогеров;
- 6) граффити, отсылающие к историческим событиям; достопримечательностям; иной культурологической информации.

Обращение граффити-райтеров к общедоступным источникам прецедентности позволяет включить в языковую игру максимальное количество субъектов коммуникации. Используемые граффитистами интертексты, базирующиеся на историко-культурном материале разнородного качества (проекции, параллели, аллюзии, реминисценции, «осколки» цитат, парафразы, изречения), служат раскрытию аксиологических, коммуникативно-прагматических и мировоззренческих целеустановок граффити-райтеров, наполняя урбанистическое пространство принципиально новыми смыслами, эмоционально-семантический вектор которых определяют актуальные вопросы социально-экономического и политического характера; философские умозаключения; изречения, воплощающие житейскую мудрость; а также вербальный контент, эффективно способствующий трансляции и сохранению национального культурно-исторического кода.

Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.	Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.	The authors declare no conflicts of interests.

Источники и принятые сокращения

1. Печорина Д. *Возвращение блудного попугая — история эгоиста* [Электронный ресурс] / Д. Печорина. — Режим доступа : <https://web.archive.org/web/20100110061438/http://www.nashfilm.ru/multifilms/1114.html> (дата обращения 22.10.2024).

Литература

1. Безруков А. Н. Рецепция художественного текста : функциональный подход : монография / А. Н. Безруков. — Wrocław : Фонд «Русско-польский институт», 2015. — 300 с. — ISBN 978-83-935729-3-9.

2. Белкин А. И. Специфика ментальности постсовременных граффити в контексте формаций граффити / А. И. Белкин // Художественные парадигмы в эпоху социальной турбулентности : материалы Международного научно-практического форума : в 2 томах / под ред. В. И. Ионесова. — Самара : Самарский государственный институт культуры : Согласие, 2019. — Т. 2. — С. 547—580. — ISBN 978-5-907038-36-3.

3. Бирюкова Н. С. О типах прецедентных феноменов / Н. С. Бирюкова // Известия Уральского государственного педагогического университета : Лингвистика. — 2005. — № 5. — С. 60—66.

4. Былкова С. В. Диалогическое общение как сфера взаимодействия дискурсивных и грамматических факторов / С. В. Былкова, И. А. Кудряшов // Общественные науки. — 2017. — № 6. — С. 167—178.

5. Былкова С. В. Коммуникативные навыки студенческой молодёжи как фактор успешной социализации в профессиональной сфере / С. В. Былкова, Е. П. Чубова // Инновационная наука : психология, педагогика, дефектология. — 2023. — Т. 6. — № 4. — С. 109—118. — DOI: 10.23947/2658-7165-2023-6-4-109-118.

6. Гуго Е. Язык и графика студенческих граффити : диссертация ... доктора филологических наук : 10.02.00 / Е. Гуго. — Задар, 2014. — 222 с.

7. Ефремов В. А. Культурная память и прецедентные феномены : случай Ф. М. Достоевского / В. А. Ефремов // Мир русского слова. — 2021. — № 4. — С. 65—72. — DOI: 10.24412/1811-1629-2021-4-65-72.

8. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность / Ю. Н. Караулов. — Москва : Издательство ЛКИ, 2010. — 264 с. — ISBN 978-5-382-01071-7.

9. Культурный код вандализма : опыт кросс-культурного исследования : монография / М. Р. Бабилова, О. А. Блинова, И. В. Воробьева [и др.] / под науч. ред. И. В. Воробьевой, О. В. Кружковой. — Екатеринбург : Издательство Уральского государственного педагогического университета, 2021. — 308 с. — ISBN 978-5-7186-1870-9.

10. Назарова Р. З. Прецедентные феномены : проблемы дефиниции и классификации прецедентных феноменов / Р. З. Назарова, М. В. Золотарев // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия : Филология. Журналистика. — 2015. — Т. 15. — № 2. — С. 17—23.

11. Нахимова Е. А. О классификации и дифференциации прецедентных феноменов в политической коммуникации / Е. А. Нахимова // Политическая лингвистика. — 2018. — № 1 (67). — С. 41—46. — DOI: 10.26170/pl18-01-04.

12. Некита А. Г. Услужить индустриям ностальгии: мифология советского Чебурашки в лабиринтах потребительской безысходности / А. Г. Некита, С. А. Маленко // Индустрии впечатлений. Технологии социокультурных исследований. — 2024. — № 2 (7). — С. 86—126. — DOI 10.34680/EISCRT-2024-2(7)-86-126.

13. Новик А. Л. Граффити как явление искусства Беларуси конца XX—XXI века / А. Л. Новик // Искусство и культура. — 2020. — № 2 (38). — С. 5—11.

14. Порозов Р. Ю. Молодёжь как субъект вандальной активности в субкультуре граффити / Р. Ю. Порозов, П. С. Ключова // Политическая лингвистика. — 2020. — № 6 (84). — С. 150—155. — DOI: 10.26170/p120-06-16.
15. Посиделова В. В. Социолингвистические маркеры деструктивного речевого поведения в граффити-коммуникации / В. В. Посиделова, Д. Ю. Шалков // Вестник Уфимского юридического института МВД России. — 2023. — № 3 (101). — С. 158—163.
16. Прецедентные тексты как лингвокультурные компоненты коммуникации / И. Р. Хузин, Г. Т. Гильфанова, Д. А. Салимзанова, Э. М. Вильданова // Глобальный научный потенциал. — 2020. — № 1 (106). — С. 104—107.
17. Руденкин Д. В. Репрезентация темы граффити в городских виртуальных сообществах : итоги контент-анализа / Д. В. Руденкин, Д. А. Лугин // Теория и практика общественного развития. — 2023. — № 11. — С. 108—113. — DOI: 10.24158/tipor.2023.11.11.
18. Черняк В. Д. «Баба-яга против» : прецедентные феномены из мультфильмов в политическом дискурсе / В. Д. Черняк, Х. Ли // Политическая лингвистика. — 2020. — № 4 (82). — С. 68—76. — DOI: 10.26170/p120-04-08.
19. Швиндт У. С. Стрит арт как способ выстраивания диалога с жителями города (на примере 4-х административных районов г. Екатеринбург) / У. С. Швиндт // Мир науки. Социология, филология, культурология. — 2019. — Т. 10. — № 2. — С. 13—19.
20. Яйленко В. П. Историография и методика работы с древнегреческими граффити / В. П. Яйленко // Материалы по археологии и истории античного и средневекового Причерноморья. — 2018. — № 10. — С. 479—515. — DOI: 10.24411/2219-8857-2018-00021.
21. Zadorojnyi A. V. Transcripts of dissent? Political graffiti and elite ideology under the Principate / A. V. Zadorojnyi // *Ancient Graffiti in Context*. — United Kingdom : Routledge, Taylor & Francis Group, 2011. — Pp. 110—133. — DOI: 10.4324/9780203840870-13.
22. Kolmakova V. V. Psychohermeneutics of graffiti : External and internal loci of control / V. V. Kolmakova, D. Y. Shalkov // E3S Web of Conferences : 14th International Scientific and Practical Conference on State and Prospects for the Development of Agribusiness, INTER-AGROMASH. — 2021. — Vol. 273. — P. 11021. — DOI: 10.1051/e3sconf/202127311021.

Статья поступила в редакцию 19.07.2024,
одобрена после рецензирования 23.12.2024,
подготовлена к публикации 29.01.2025.

Material resources

Pechorina, D. *The return of the prodigal parrot — the story of an egoist*. Available at: <https://web.archive.org/web/20100110061438/http://www.nashfilm.ru/multifilms/1114.html> (accessed 22.10.2024). (In Russ.).

References

- Belkin, A. I. (2019). The specifics of the mentality of postmodern graffiti in the context of graffiti formations. In: *Artistic paradigms in the era of social turbulence: proceedings of the International Scientific and Practical Forum: in 2 volumes*, 2. Samara: Samara State Institute of Culture: Consent. 547—580. ISBN 978-5-907038-36-3. (In Russ.).
- Bezrukov, A. N. (2015). *Reception of a literary text: a functional approach: a monograph*. Wrocław: Russian-Polish Institute Foundation. 300 p. ISBN 978-83-935729-3-9. (In Russ.).

- Biryukova, N. S. (2005). On the types of precedent phenomena. *Proceedings of the Ural State Pedagogical University: Linguistics*, 5: 60—66. (In Russ.).
- Bylkova, S. V., Chubova, E. P. (2023). Communication skills of students as a factor of successful socialization in the professional sphere. *Innovative science: psychology, pedagogy, defectology*, 6 (4): 109—118. DOI: 10.23947/2658-7165-2023-6-4-109-118. (In Russ.).
- Bylkova, S. V., Kudryashov, I. A. (2017). Dialogic communication as a sphere of interaction of discursive and grammatical factors. *Social Sciences*, 6: 167—178. (In Russ.).
- Chernyak, V. D., Lee, H. (2020). “Baba Yaga vs”: precedent phenomena from cartoons in political discourse. *Political Linguistics*, 4 (82): 68—76. DOI: 10.26170/pl20-04-08. (In Russ.).
- Efremov, V. A. (2021). Cultural memory and precedent phenomena: the case of F. M. Dostoevsky. *The World of the Russian Word*, 4: 65—72. DOI: 10.24412/1811-1629-2021-4-65-72. (In Russ.).
- Guto, E. (2014). *The language and graphics of student graffiti*. Doct. Diss. Zadar. 222 p. (In Russ.).
- Karaulov, Yu. N. (2010). *Russian language and linguistic personality*. Moscow: LKI Publishing House. 264 p. ISBN 978-5-382-01071-7. (In Russ.).
- Khuzin, I. R., Gilfanova, G. T., Salimzanova, D. A., Vildanova, E. M. (2020). Precedent texts as linguistic and cultural components of communication. *Global scientific potential*, 1 (106): 104—107. (In Russ.).
- Kolmakova, V. V., Shalkov, D. Y. (2021). Psychohermeneutics of graffiti: External and internal loci of control. *E3S Web of Conferences: 14th International Scientific and Practical Conference on State and Prospects for the Development of Agribusiness, INTERAG-ROMASH*, 273: P. 11021. DOI: 10.1051/e3sconf/202127311021.
- Nakhimova, E. A. (2018). On classification and differentiation of precedent phenomena in political communication. *Political Linguistics*, 1 (67): 41—46. DOI: 10.26170/pl18-01-04. (In Russ.).
- Nazarova, R. Z., Zolotarev, M. V. (2015). Precedent phenomena: problems of definition and classification of precedent phenomena. *Proceedings of the Saratov University. A new series. Series: Philology. Journalism*, 15 (2): 17—23. (In Russ.).
- Nekita, A. G., Malenko, S. A. (2024). Serving the Nostalgia Industries: The Mythology of the Soviet Cheburashka in the Labyrinths of Consumer Hopelessness. *Impression Industries. Technologies of Sociocultural Research*, 2 (7): 86—126. DOI 10.34680/EISCRT-2024-2(7)-86-126.
- Novik, A. L. (2020). Graffiti as an art phenomenon in Belarus at the end of the XX—XXI century. *Art and Culture*, 2 (38): 5—11. (In Russ.).
- Porozov, R. Y. (2020). Youth as a subject of vandal activity in the subculture of graffiti. *Political linguistics*, 6 (84): 150—155. DOI: 10.26170/pl20-06-16. (In Russ.).
- Posidelova, V. V., Shalkov, D. Y. (2023). Sociolinguistic markers of destructive speech behavior in graffiti communication. *Bulletin of the Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 3 (101): 158—163. (In Russ.).
- Rudinkin, D. V., Lugin, D. A. (2023). Representation of the graffiti theme in urban virtual communities: results of content analysis. *Theory and practice of social development*, 11: 108—113. DOI: 10.24158/tpor.2023.11.11. (In Russ.).
- Schwindt, U. S. (2019). Street art as a way of building a dialogue with the residents of the city (on the example of 4 administrative districts of Yekaterinburg). *The world of science. Sociology, philology, cultural studies*, 10 (2): 13—19. (In Russ.).

- Starukha Shapoklyak*. Available at: <http://mar4586.narod.ru/trickster/shapoklyak.html> (accessed 22.01.2025). (In Russ.).
- Vorobyova, I. V., Kruzhkova, O. V. (ed.). (2021). *The cultural code of vandalism: the experience of cross-cultural research: a monograph*. Yekaterinburg: Publishing House of the Ural State Pedagogical University. 308 p. ISBN 978-5-7186-1870-9. (In Russ.).
- Yaylenko, V. P. (2018). Historiography and methods of working with ancient Greek graffiti. Materials on the archeology and history of the ancient and medieval *Black Sea region*, 10: 479—515. DOI: 10.24411/2219-8857-2018-00021. (In Russ.).
- Zadorojnyi, A. V. (2011). Transcripts of dissent? Political graffiti and elite ideology under the Principate. In: *Ancient Graffiti in Context*. United Kingdom: Routledge, Taylor & Francis Group. 110—133. DOI: 10.4324/9780203840870-13.

*The article was submitted 19.07.2024;
approved after reviewing 23.12.2024;
accepted for publication 29.01.2025.*